

Полоз Р.М.

Об отце

Михаил Николаевич Полоз родился 23 декабря 1891г. в Харькове, в семье дворянина. Отец его служил чиновником в системе Госконтроля. Учился М.Н. в реальном училище в Харькове. В 1906 году он стал членом союза учащейся молодежи социалистов-революционеров. В 1908 году был арестован и выслан. В 1910 году сдал экстерном за среднюю школу и поступил в университет Шанявского в Москве. В 1912 году поступил в Петровскую сельскохозяйственную Академию, был неоднократно арестован как активист украинской партии эсеров (УПСР). В 1915 году стал вольноопределяющимся в Московской авиационной школе. В сентябре 1916 года выдержал экзамен на звание военного летчика, произведен в прапорщики и назначен в отряд истребителей, в составе которого принимал участие в боевых операциях на Румынском фронте. В аттестации, подписанной командиром отряда, указано: «...Михаил Полозов, отличаясь исполнительностью, добросовестным отношением к своим обязанностям, умственно хорошо развитый, является ценным работником. Летчик прекрасный. По нравственным качествам безукоризнен. Во всех отношениях отличный офицер»¹.

В 1917 году Полоза выбирают в войсковой Генеральный Украинский Комитет и Центральную Украинскую Раду. В качестве ее представителя он участвовал в Бресте в переговорах с немцами.

Вскоре УПСР разделилось на два крыла. Левое – более радикальное, где был Полоз, и правое, готовое служить Временному правительству. Между ними развернулась острая борьба. Когда 7 ноября 1917 года Центральная Рада объявила о создании Украинской народной республики и начала сближаться с австро-германским блоком, левое крыло УПСР осудило прогерманскую ориентацию и потребовало серьезных социально-экономических реформ. В ЦК УПСР произошел раскол. 12 левых членов, в том числе Полоз, возражали против решения Центральной Рады объявить войну России. В результате они были приговорены к расстрелу и прямо с заседания отправлены в тюрьму. Освобождены они были подошедшими казацкими частями.

В мае 1918 года левое крыло создало самостоятельную организацию, которая в августе 1919 года, объединившись с левой частью украинской социал-демократической рабочей партии, стала называться украинской коммунистической партией – УКП, чаще они называли себя боротьбистами от названия их газеты «Пролетарска боротьба». В этой газете от 30 октября 1919 года опубликовано интервью Полоза после его поездки в Москву в составе делегации от УКП.

Приведу отрывки из этого интервью.

«...Что более всего поразило меня в Москве – это с одной стороны чрезвычайно незначительная осведомленность русского центра о действительном положении вещей на Украине, а с другой – старая инерция относительно понимания Украины не как отдельного социального целого, а как одной из частей России, неразрывно связанной с остальными ей подобными областями, как-то Сибирь, Урал, Кавказ и т.д.

Исключение составляли лишь отдельные ответственные товарищи, однако и они оказывались часто очень плохо информированными. Это особенно ярко проявилось в первых беседах с тов. Лениным, который получал до этого времени информацию лишь от официальных руководителей революции на Украине, и который был очень удивлен, узнав от нас о действительном состоянии дел.

Особенно удивили тов. Ленина наши объяснения относительно фактического

¹ РГВИА. Ф.2008. Оп.1. Д.1846.

неравенства русской и украинской культур во время прошедшего этапа революции на Украине. Тов. Ленин не хотел верить, что председатель Украинского Советского правительства мог отстаивать идеи диктатуры русской культуры на Украине до тех пор, пока я не подтвердил это ссылкой на протокол заседания ВУЦИК, где это было откровенно провозглашено тов. Раковским.

Надо сказать, что в вопросе о том, какая культура должна возобладать с победой коммунистической революции, сходных с нами взглядов придерживалось большинство представителей третьего Интернационала, с которыми нам приходилось говорить. ...В ином положении вопрос об экономическом и военном строительстве. Здесь нам пришлось выдержать целый ряд дискуссий, во время которых со стороны русских товарищей проявилась очень сильная тенденция подчинения Украины русскому центру и стремление подменить этим последним... международным центром федерации советских республик».

И дальше:

«...Так, некоторые наши мысли о создании украинской Красной армии по территориальному признаку, как единственный способ использования в интересах международной революции всего запаса революционной энергии украинского села, были встречены решительными возражениями со стороны русских товарищей. Они утверждали, что нынешний способ построения Красной армии является вполне оправданным двухлетним опытом, который убеждает, что украинские красноармейцы будут более боеспособными на северном и восточном фронтах, где у них не будет соблазна в виде близкого села со своими семьями и хозяйством и что, наоборот, великороссы из центральных губерний или сибиряки или уральцы являются более надежным войском на Украине.

Не менее значительным оказалось и расхождение в вопросе о способе строительства совнархозов как и вообще в вопросе об экономических отношениях советских республик.

В этом аспекте особенно проявился чисто практический подход к делу большинства русских, которые решали эти вопросы не с точки зрения задач дальнейшего широкого развития коммунистической революции в Европе, а главным образом с точки зрения конкретных требований данного момента революции в России.

...Юридически это положение было закреплено постановлением Совета обороны, которое было вынесено в Чернигове и подтверждено на заседании президиума Исполнительного Украинского Центрального Комитета в Москве 15 октября 1919 года.

Несмотря на мои решительные протесты и аргументы о незаконности постановления президиума ЦИК относительно роспуска ЦИКа и Совнаркома, поскольку право такого роспуска на основании конституции УССР может принадлежать лишь Всеукраинскому съезду Советов, президиум ВУЦИК большинством голосов Петровского и Богуславского вотировал этот роспуск с выплатой ликвидационных денег бывшим членам ЦИК и откомандированием их в распоряжение ЦК своих партий.

После этого большинство бывших наркомов Украины, принадлежавших к КП(б)У, были назначены Политбюро ЦК Русской компартии на различные советские должности в России. Многие из них получили места в губисполкомах РСФСР, а тов. Раковский был назначен зам. заведующего политотделом Реввоенсовета республики.

Таким образом, правительственный центр УССР был фактически полностью ликвидирован.

По этому поводу правительственная фракция нашей партии вынесла резолюцию протеста, которая была отослана на утверждение ЦК компартии и которая будет в ближайшее время доведена до общего сведения.

В этом заявлении между прочим фракция снимает с себя всякую ответственность как за факт ликвидации Украинской советской власти, так и за политику советской власти на Украине во время фактического устранения нашей партии от возможности реально влиять на эту политику»².

² Газета «Пролетарска боротьба» (Житомир). 1919. 30 листопада.

В марте 1920 года ЦК УКП приняло решение о самоликвидации и вхождении членов УКП в состав КП(б)У. По рассказу Полоза на следствии решение этого вопроса взял на себя Шуйский при личных переговорах с Раковским, не поставив в известность даже ЦК партии боротьбистов. Полоз и Ковалев в это время были в Москве с целью согласовать условия слияния боротьбистов с большевиками. Очень удивленные единоличным решением Шуйского, они вынуждены были вернуться в Харьков, где на съезде УКП слияние с большевистской партией без каких-либо условий было утверждено.

В 1921 году М.Н. Полоз становится полпредом Украины в Москве и одновременно членом Совета Труда и Оборона. На этой работе М.Н. использовал все возможности для защиты интересов Украины. Во время подписания Союзного договора он настойчиво возражал против сталинской великодержавной политики.

Характерен такой эпизод из его работы того периода. 24 января 1923 года в «Правде» было опубликовано сообщение под заголовком «Союзный ВСНХ» В нем сообщалось, что союзный ВСНХ одновременно будет выполнять функции ВСНХ РСФСР.

Учитывая, что это сообщение противоречит конституционным основам Союзного договора между Советскими республиками и отстаивая национальные интересы союзных республик, Полоз считал необходимым письменно выразить свои возражения Сталину.

Аналогичные письма были направлены председателю ВСНХ Богданову, председателю Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Калинину, зам. председателя Совета Народных комиссаров Рыкову.

«Секретарю ЦК РКП(б) тов. Сталину.

Полномочное представительство УССР в РСФСР считает, что поскольку принятые на съезде Советов СССР декларация и союзный договор, переданные по постановлению съезда на дополнительное рассмотрение ЦИК союзных республик для получения отзыва, опубликование в прессе каких либо сведений о работе по осуществлению упомянутого союзного договора политически нецелесообразно и вредно.

Опубликование таких сведений создает нежелательное впечатление решенности вопроса и может дать предлог для неправильного толкования роли ЦИКов союзных республик в решениях, которые принимаются от имени федерации.

Тем более нецелесообразным является опубликование в прессе сведений подобных указанной статье.

Сообщение о признании президиумом ВСНХ того, что союзный ВСНХ должен быть одновременно и ВСНХ РСФСР в этой его редакции может создать лишней предлог для неправильного освещения текущей реорганизации во враждебной Советской России иностранной прессе, стимулировать недовольство нестойких в национальном вопросе элементов в Союзных республиках.

Что касается сути помещенного в «Правде» сообщения, то поскольку решение президиума ВСНХ, о котором в нем говорится, было принято в связи с работой комиссии ВЦИК по организации управления СССР, к участию в упомянутом решении должно быть привлечено и УССР в лице соответствующего ее представителя.

То обстоятельство, что о принятом решении полномочное представительство УССР в РСФСР узнает из газет – в любом случае нельзя назвать нормальным.

Наконец, решение президиума ВСНХ в указанной выше редакции вызывает и принципиальные возражения. Формальное признание того обстоятельства, что союзный ВСНХ и ВСНХ РСФСР является одним и тем же учреждением, противоречит основным положениям союзного договора, принятого на съезде Советов СССР, в соответствии с которым союзные республики, в том числе и РСФСР, объединяются в одно союзное государство, руководимое союзными органами, общими для всей федерации, сохраняя, однако, наряду с этим, и некоторые органы своего внутреннего управления, в частности ВСНХ (статья 19 союзного договора).

Исходя из вышеизложенного, полномочное представительство УССР в РСФСР просит Вас принять меры по недопущению преждевременного появления в прессе материалов,

подобных упомянутым.

М. Полоз Полпред УССР в РСФСР»³.

В 1923 году Полоз вернулся на Украину.

С 1923 по 1925 год он был председателем Госплана УССР, с 1925 года по 1930 год – наркомом финансов Украины. Он был участником всех украинских съездов партии, а также участником десятого и одиннадцатого съездов СССР.

В Харькове мы жили на втором этаже двухэтажного домика. Тут в 1924 году родилась я. С детства я запомнила белую акацию, росшую перед окном моей комнаты.

Впоследствии, когда во время войны я работала на санитарном поезде, поезд пришел в Харьков для погрузки раненых после отступления немцев. Располагая несколькими часами свободного времени, я пошла на улицу Бассейная поискать дом своего детства, номер которого я не помнила. Остановилась около дома 22, сильно поврежденного при бомбежке. Обойдя дом, я увидела обгорелый ствол перед крайним окном. Времени не оставалось, и я должна была возвращаться на вокзал. Впоследствии от родных я узнала, что мы жили в доме 22. Так старая акация помогла мне найти родной дом.

Отец работал много и увлеченно. Любовь к украинской культуре и украинской природе заставляла его кроме основной работы много времени и сил отдавать работе в области охраны природы и культурного строительства.

24 декабря 1927 года он возглавил на общественных началах Украинский комитет охраны природы и памятников культуры. Его государственная и партийная должности значительно содействовали развитию природоохранного дела на Украине. Полоз и нарком просвещения УССР А.Я. Шумский были связующим звеном между учеными деятелями охраны природы и существующей властью. Как зам. председателя СНК УССР, Полоз подписал декрет о заповеднике Ольвия. Бюджет украинского комитета охраны природы УКООП увеличился с 9350 руб. до 84065 руб. Были утверждены положения об Аскании-Нова, Приморскому, Песчаному, Каневскому заповедниках, Софийскому ансамблю. Площадь заповедников увеличилась с 500 до 85000 гектар. Часто появлялись природоохранные статьи в газетах «Радянское село», «Вести»/«Коммунист».

В двадцатые годы Полоз и Шуйский отстаивали уникальный заповедник Аскания-Нова от попыток Наркомзема УССР распахать целинную степь. Были подготовлены документы о создании другого государственного заповедника восточной Украины и других новых заповедников.

Заседания УКООП проходили в Харькове на ул. Артема 29. На этих заседаниях присутствовали ведущие ученые, работники Наркомзема, Наркомпроса, приезжали представители заповедников.

Работа природоохранного дела успешно развивалась. Республика готовилась к первому республиканскому съезду по охране природы⁴.

М.Н. не забывал и своей военной специальности. Он следил за развитием отечественной авиационной промышленности.

В 1926-27 годах он возглавил общественность в борьбе за внедрение на воздушных линиях Советского Союза отечественного многоместного пассажирского самолета К-5, который начал серийно выпускать Харьковский авиазавод. Борьба разгорелась против начальника Укр.воздух.пути Юнгмейстера, бывшего защитником фирмы «Дорнье-комета», чьи пассажирские самолеты заполняли тогда наши гражданские воздушные пути. Победила общественность. Самолеты К-5 заняли место иностранных машин.

В 1930 году Полоз был переведен на работу в Москву на должность зам. председателя бюджетной комиссии ЦИК СССР. По существу его оторвали от живой работы на Украине, где он знал людей и его знали. В Москве он стал высокопоставленным чиновником.

В Харькове по настоянию отца я говорила только по-украински. Но, переехав в Москву, я пошла в русскую школу, а, потеряв отца, осталась с русской бабушкой по материнской

³ Литературная Украина. №34. (1988).

⁴ «Зеленый мир». №9. Август 1993. (Киев.)

линии, и постепенно утратила украинский язык, чему очень и очень огорчаюсь.

Я до сих пор помню такой случай. Я училась в первом классе и на уроках пения не отличалась активностью. Об этом стало известно отцу. Я была вызвана «на ковер». Отец спросил меня почему я не пою даже Интернационал? Я отвечала, что не знаю его по-русски, на что отец возразил: «Интернационал каждый может петь на родном языке, на то это и Интернационал». Не помню, но не думаю, что стала более активна на уроках пения.

В 1931 году на Украине начались аресты. В 1933 году были арестованы многие деятели культуры и многие государственные работники. Особенно активно забирали бывших боротьбистов.

Природоохранная деятельность заглохла. Многие работники этого направления были арестованы. Республиканский съезд по охране природы так и не состоялся.

К началу 1934 года отец остался последним из неарестованных боротьбистов. В Харькове, Киеве и Москве все уже были арестованы. Конечно отец понимал, что арест ждет его со дня на день и как мог подготовился к этому. Многие книги политических деятелей с его пометками и бумаги были уничтожены, а меня отправили под Москву к знакомым, чтоб избежать от сцены ареста. После ареста бабушка забрала меня домой. Жили мы в «доме на набережной». После ареста отца я осталась с бабушкой, тетей, сестрой матери, и ее сыном.

Мама была арестована на год раньше, т.к. участвовала в оппозиции к Сталину, и была осуждена с группой И.Н. Смирнова. Она получила в 1933 году 3 года политизолятора и отправлена была в Верхнеуральск. С ней переписка велась очень регулярно, также регулярно посылались ей посылки. Один раз отец даже ездил к ней на свидание. Все это подробно отражено в ее письмах, которые под досмотром бабушки я старательно складывала и даже подшивала по годам. Только из этих писем к бабушке я, уже много лет спустя, смогла восстановить мамину жизнь хоть в общих чертах. Они впоследствии были перепечатаны (300 печатных страниц). Подлинники были мной сданы в Центральный государственный архив-музей литературы и искусства в Киеве.

В 1936 году мама кончила срок и ее отправили на поселение, сначала в Уральск, через несколько месяцев перевели в Алма-Ату. Моя бабушка сразу по освобождении мамы поехала к ней в Уральск и пробыла там две недели. На мои просьбы, чтобы взяла меня с собой, она обещала отправить меня к маме после окончания учебного года. В июне 1936 года мне купили билет в Алма-Ату, нашли попутчиков, собрали мои вещи и отправили телеграмму о моем выезде. Не получив ответа, дали молнию с оплаченным ответом. Пришел ответ: «Адресат не проживает». Билет был сдан. Я осталась в Москве и уже никогда не увидела свою маму. На несколько месяцев она исчезла, а затем пришла ее телеграмма из Магадана.

Мама получила новый срок – пять лет лагерей. Оттуда мы имели от нее письма до 1937 года.

М.Н. Полоз был арестован 12 января 1934 года. Он обвинялся как участник Украинской военной организации – УВО. Ему инкриминировали попытку создать Украинскую буржуазно-демократическую республику, подготовку покушений на Постышева, Балицкого, Сталина.

Интересен рапорт опер. секретаря СПО Эдельмана начальнику СПО Молчанову, где он подробно описывает ход обыска и ареста Полоза. Например там есть такое замечание: «...Обращает внимание отсутствие портретов тов. Сталина. В тоже время наличие значительного количества фотоснимков националистических вождей Украины: портрет Скрыпника – личный подарок» и т.д.

Первое время М.Н. провел на Лубянке, он отрицал все возводимые на него обвинения. В конце февраля его отправили в киевскую тюрьму, где его допрашивал следователь Соколов. С 5 марта Соколов начал получать положительные ответы от арестованного.

4 июня 1934 года судебной тройкой при коллегии ГПУ УССР был вынесен приговор по статье 54-11 УК УССР – 10 лет трудовых лагерей. Полоз был отправлен в Соловки. Вместо общих работ его поместили в одиночную камеру. М.Н. психологически не мог переносить одиночки. Его соловецкое дело содержит ряд заявлений ко всем власть имущим с просьбой

перевести его на общелагерное положение, согласно приговору. На его обращения по этому вопросу к начальнику тюремного изолятора последний ссылался на специальное указание сверху. На свои просьбы разрешить ему переписку с дочерью разрешения он не получил. Разрешили переписываться только с женой. Причем письма нужно было адресовать в Москву в СПО главного управления Госбезопасности и уже оттуда их отправляли адресату. Таким образом от отца к матери письма добирались по несколько месяцев, а иногда и по полгода.

Мы писали маме на Колыму о нашей жизни, она переписывала их и посылала в Соловки. Но нас она просила писать ему на Соловки и, по-видимому, некоторые наши письма он получал. Отдельные места из писем отца мама переписывала нам.

Теперь я понимаю, что многое из жизни отца мама знать не могла, т.к. далеко не обо всем он мог написать. Например о сидении в одиночке.

Через некоторое время отца перевели из одиночки на командировку, находившуюся на маленьком острове озера Амбарное на севере Большого Соловецкого острова.

Вероятно к этому времени относится его письмо маме со значительно повеселевшим тоном, где были такие слова: «Мы еще проживем». Это выражение я запомнила с детства.

Оба они очень просили нас фотографироваться и посылать им снимки. Хочу привести строчки из письма отца, переписанные мамой для нас: «...Смотрю на лица любимых и так много, так много дают они сердцу. Сейчас с особой нежностью смотрю на маму. Немножко суровый, напряженный взгляд, немножко напряженные губы. Но знаю, что за этой суровостью так много умно-человеческого, так много хорошего, глубоко морального. Вспоминаются минуты бытовых размолвок в семье и особенно в последний год перед моим арестом и та хорошая умиротворяющая роль, какую всегда играла бабушка в этих размолвках. И даже те, иногда несправедливые упреки, которые и я бабушке и она мне делали в минуты неизбежных в быту столкновений, вспоминаются сейчас не только без неудовольствия, но наоборот с прямым удовольствием, как элементы не отдаления, но сближения между нами. Казалось бы странным. Может ли размолвка быть элементом сближения. А между тем это именно так. Конечно, лишь в тех случаях, когда эти размолвки являются не доминирующим элементом в отношениях, не являются элементом, выявляющим скрытую сознательную или подсознательную враждебность людей друг к другу, а являются лишь поправкой на разницу бытовых, исторически сложившихся особенностей данных людей. В семейном быту такие размолвки неизбежны, как и элементы особенной нежности. И я с равным удовольствием вспоминаю и те и другие, глядя на эту прекрасную карточку. ...Еще и еще раз разглядываю присланную тобой карточку семьи и сам удивляюсь тому, какую огромную сумму эмоций может дать простая фотография близких. Напиши им, родная моя, чтобы они обязательно снялись еще раз, и пришли мне карточку. Объясни им, что радость, даваемая такой карточкой, во много-много раз перекрывает расходы по фотографированию и ту сумму забот, которая необходима на организацию семейной фотографии. А ценна особенно семейная фотография, где сняты любимые именно все вместе и где выражение лица, позы каждого из них дополняет и углубляет каждого из остальных снявшихся. ...Пусть же не поленятся наши дорогие и дадут нам этот кусочек радости. Ведь они понимают, вероятно, что радость в наших условиях отнюдь не частая гостья».

Дальше мама пишет: «Как живет Михась? Большая часть дня занята материальными работами по самообслуживанию: пилка дров, уборка, варка пищи. Лето было прохладное и только очень редко можно было погреться на солнце. Погода часто и резко менялась. Сентябрь – мягкий и тихий, деревья только кое-где начинают облетать. А в начале октября уже дожди и пронизывающие ветры. Вечный день летом не мешал и не раздражал его. А вот зимние ночи, когда солнце на небе бывает от одиннадцати до пол третьего-это много хуже.

Летом очень обширный мир пернатых вплоть до соловьев, хотя как он выражается «мало успевающих» с незаконченными руладами и переливами. Часто наблюдает белух на море и тюленей. Тюленями, случается, и питается, а тюлений жир считает даже деликатесом. Исключительной красоты окраска моря и неба в летние белые ночи. Ходит в лагерной

одежде, которую иногда приходилось на него шить, никакие размеры не выдерживали... (Отец был очень высокого роста).

Мои мать и отец надеялись получить разрешение на соединение в одном лагере. Оба подавали об этом заявления. Оба, конечно, получили отказ. Когда я читала об этом, будучи взрослой, мне такие надежды казались бессмысленными. Видимо они еще не понимали, что вся система была направлена на подавление личности заключенного и ни о каком соединении речь идти не могла. Отец беспокоился о том, как и что расскажут дочке о его положении и как она будет к нему относиться. Слава богу, беспокоиться по этому поводу ему не следовало.

Благодаря активности работников Соловецкого краеведческого музея и Ленинградского Мемориала родственники погибших соловецких узников не раз бывали на Соловецких днях памяти. Мы многое узнали и увидели, но оставался один вопрос на который невозможно было получить ответ. Нам было известно, что осенью 1937 года по всем лагерям прокатилась волна расстрелов.

Решением особой тройки УНКВД по Ленинградской области 9 октября 1937 года были осуждены к высшей мере наказания 1116 человек из соловецких заключенных. По воспоминаниям уцелевших соловчан в один из осенних вечеров по всем камерам Соловецкого кремля выкликали по спискам заключенных «с вещами». Вызванные наспех собравши вещи, выстраивались у северной стены кремля и после тщательных обысков и проверок, построившись пятерками, выходили через Святые ворота к причалу, где их ждал катер с прицепленными баржами. Этап этот направлялся в Кемь.

Дальнейшая участь этого этапа до последнего времени никому не была известна. Более тысячи людей бесследно исчезла.

Несколько лет назад в архивах Архангельска были обнаружены копии списков трех массовых расстрелов соловецких заключенных. Первый этап из 1111 человек многих национальностей (в том числе 134 украинца) был как раз упомянутый «большой этап» . В него попал и Полоз.

Только в 1996 году начала проясняться участь этого этапа. Расстрел производился не в Кеми, как сообщили из Ленинградского УФСБ. Расстрелы производились в районе Медвежьегорска в «Сандормохе» с 27 октября по 4 ноября 1937г. Теперь известны номера протоколов казненных по каждому дню N 81-N 85. Общее количество расстрелянных по этим протоколам – 1111 человек.

Полоз был расстрелян 3 ноября 1937 года, протокол № 83. Из Кеми их перевозили по железной дороге до Медвежьегорска, где размещали в здании СИЗО БЛ (Беломоро-Балтийский канал). Отсюда связанными, а иногда и покалеченными, их перевозили на грузовой машине к месту казни в 16 км от города. Командовал этим мероприятием капитан Матвеев. Расстреливал он лично из своего револьвера. Приговоры о ВМН заключенным были вынесены без их ведома. О готовящейся казни они не знали. Принято было сообщать, что отправляют в сверхдальние лагеря.

У Полоза в этом втором приговоре значится: «Член ЦК партии боротьбистов, член УВО. Находясь в Соловецкой тюрьме поддерживает переписку с женой-троцкисткой, с Кийко-Шелестом. Поддерживает связь с осужденными УВО. Настроен враждебно.» Приговоры тройки выносились в Ленинграде.

Списки им посылало Соловецкое начальство по собственному выбору. Все это было выполнением приказа Ежова №004477 По этому приказу во всех лагерях и областях СССР в двухмесячный срок обязаны были приговорить к Высшей мере наказания людей в указанном в разнарядке количестве. Соловецкий лагерь получил разнарядку на 1200 человек. Расстреляно было в три приема около 2000 человек.

Под этот же приказ попала и моя мама в Магадане. Она была расстреляна 17 ноября 1937 года.

8 марта 1957 года. постановлением № 387 0-57 Военного трибунала Киевского военного округа М.П. Полоз реабилитирован посмертно за отсутствием состава преступления.

Для того чтоб реабилитировать отца я собирала отзывы оставшихся в живых товарищей. Узнав об этом, Остап Вишня из Киева прислал прекрасный отзыв о Полозе как о человеке и государственном деятеле. Сделал это даже без моей просьбы. Оставшиеся в живых активисты УВО дали показания о том, что оговорили Полоза, себя и других под влиянием незаконных методов следствия.

Верховный суд РСФСР 15 ноября 1988 года принял решение № ОС 88-89 считать дело М.Н. Полоза прекращенным за отсутствием состава преступления, исправив постановление Архангельского областного суда от 19 апреля 1957 года сформулированного: «Дело прекращено за недоказанностью преступления».

После точного установления места расстрела Большого Соловецкого этапа Петербургским и Московским Мемориалами было решено провести 27 октября 1997 года, в день шестидесятилетия начала расстрела Соловецкого этапа, мемориальную церемонию.

Карелия очень внимательно отнеслась к открытию мемориала «Сандормох». Уже к 27 октября 1997 года были поставлены памятные знаки во всех местах, где лежат десятки людей с простреленными черепами. В этих местах образовалось некоторое оседание почвы площадью 4х4 метра каждое.

В Сандормохе расстреляны многие тысячи заключенных, в том числе из Белбалтлага. Там приняли свою смерть и заключенные Соловецкого этапа.

Теперь там выстроена часовня. Весь участок леса изъят из хозяйственного пользования.

Сейчас там уже установлен памятник жертвам террора.

После ареста отца в 1934 году нас выселили из «дома на набережной», но дали квартиру на окраине Москвы, где мы и жили еще много лет. Работала тетя, мы с Володией учились в школе, бабушка воспитывала нас.

Начало войны застало меня, закончившей девятый класс. Десятый я заканчивала в вечерней школе. Днем училась на курсах медсестер. В июне 1942 года я закончила школу и курсы и попала на военно-санитарный поезд, отвозивший раненых из фронтовой полосы в глубокий тыл. В качестве сержанта медслужбы я проработала там всю войну. В Москву вернулась после Победы и поступила учиться в институт им. Баумана. Весной 1949г. я заканчивала четвертый курс. 23 апреля ночью в дверь сильно постучали, сказали: «Проверка паспортов». Но оказалось, что пришли за мной. Я была арестована, как дочь «врагов народа» и отвезена на Лубянку. Следствие прошло быстро, т.к. лично меня ни в чем не обвиняли. Особое совещание приговорило меня к пяти годам ссылки в Казахстан. Я познакомилась с порядками на Лубянке, в Бутырках, а также в столыпинских вагонах и пересыльных тюрьмах. В конце концов я добралась до места назначения. Там я устроилась работать на стройке.

После смерти Сталина нас отпустили домой. В июне 1953 года я вернулась в Москву, но в Бауманский институт уже не рискнула вернуться. Он к тому времени готовил специалистов – ракетчиков. Я устроилась в вечерний строительный институт и закончила его в 1955 году. Впоследствии работала в проектных организациях и в 1983 году вышла на пенсию.